

ЧАСТИЦЫ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНОСТИ

Якубова Мунаввар Исмаиловна

*Преподаватель кафедры русского языка и литературы Самаркандского
государственного педагогического института*

Фазова Саида Абсаттаровна

*Студентка 3 курса Самаркандского государственного педагогического
института*

Аннотация. В данной статье исследуется функциональный потенциал частиц как ключевого инструмента реализации категории модальности в языке. Рассматриваются механизмы трансформации объективного содержания высказывания в субъективно-оценочное через призму партикулярных единиц. Анализирует, как тончайшие смысловые оттенки, вносимые частицами, формируют прагматический каркас дискурса. Особое внимание уделяется взаимодействию лексического значения частиц с контекстуальным окружением, что позволяет верифицировать авторскую интенцию.

Ключевые слова: модальность, частицы, субъективность, прагматика, лингвистическая семантика, дискурс.

Abstract. This article explores the functional potential of particles as a key tool for implementing the category of modality in language. The mechanisms of transformation of the objective content of an utterance into a subjective-evaluative one through the prism of particular units are considered. The author analyzes how the subtlest semantic nuances introduced by particles form the pragmatic framework of discourse. Special attention is paid to the interaction of the lexical meaning of particles with the contextual environment, which allows verifying the author's intention.

Keywords: modality, particles, subjectivity, pragmatics, linguistic semantics, discourse.

Проблема языковой модальности традиционно занимает центральное место в лингвистических изысканиях, поскольку именно в ней аккумулируется отношение говорящего к действительности и к собственному сообщению. В этом многогранном процессе частицы выступают не просто как служебные элементы, а как тонкие регуляторы смысловой нагрузки. Они не обладают номинативной функцией в классическом понимании, однако их роль в формировании модального плана предложения трудно переоценить. Модальность, понимаемая как функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к реальности, находит в частицах свой наиболее пластичный материал. Исследуя природу этих единиц, важно отметить, что частицы способны радикально менять перцепцию факта. Например, в классической литературе часто можно встретить моменты, когда одно лишь добавление частицы превращает утверждение в глубокое сомнение или горькую иронию. Представим сцену из великого романа, где герой, глядя на разрушенные надежды, не просто констатирует финал, а произносит нечто вроде «неужели это всё». Здесь частица «неужели» не только оформляет вопрос, но и несет в себе пласт экзистенциального шока, отрицания очевидного и мольбы о ином исходе. Это не просто грамматический маркер, а сгусток человеческой эмоции, облеченный в краткую форму. В художественном пересказе подобных моментов мы видим, как авторская воля использует частицу для передачи того, что невозможно выразить однозначными словами — трепета души перед лицом неизбежности.

Критики и теоретики языка неоднократно подчеркивали эту уникальность. Так, в работах В.В. Виноградова высказывалась мысль о том, что частицы являются своего рода «сгустками» модальных значений, которые пронизывают ткань речи, делая её живой и антропоцентричной. Виноградов

полагал, что без этих малых элементов язык рискует превратиться в сухую логическую схему, лишенную субъектности. Его идеи находят отражение в понимании того, что частица — это мост между чистой мыслью и её эмоциональным воплощением¹.

одальность всегда содержит в себе «диктум» (содержание) и «модус» (отношение). Частицы в этой системе координат являются чистыми носителями модуса. Частица — это инструмент, позволяющий говорящему «присвоить» себе объективное предложение, наложить на него печать своей личности. Это превращает коммуникацию из обмена данными в акт сопереживания или интеллектуального противоборства. Рассматривая частицы как средство выражения модальности, необходимо выделить их способность к градуальности. Они позволяют варьировать степень уверенности: от категоричного «именно» до зыбкого «вряд ли». В художественных текстах это часто используется для создания подтекста. Когда персонаж говорит о своей преданности, используя усилительные частицы, читатель иногда считывает в этом избыточность, наводящую на мысли о фальши. Частица становится инструментом психологического анализа, позволяя автору не называть чувство прямо, а лишь намекать на него через модальную окраску речи.

Интересно проследить, как модальные частицы взаимодействуют с глагольными формами. Глагол задает действие, но частица определяет его статус в иерархии реальности. Вспомним образы из поэзии, где «бы» превращает суровую действительность в мир грез и неслучившегося счастья. Это сослагательное наклонение, усиленное партикулярным фоном, создает эффект двоемирия, столь важный для романтической традиции. Здесь частица выступает архитектором воображаемого пространства, где законы логики уступают место законам желания. Современная лингвистика также

¹ Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). — М.: Высшая школа, 1986. — С. 562.

обращается к прагматическому аспекту. Частицы рассматриваются как маркеры эмпатии или дистанцированности. В дискурсе они выполняют функцию «настройки» на собеседника. Использование частиц вроде «ведь» или «же» апеллирует к общему знанию, создавая интимную атмосферу сопричастности. Это превращает монолог в скрытый диалог, где модальность служит клеем, соединяющим сознания участников общения. Частицы — это не «пустые» слова, а концентраты модальных смыслов. Их изучение требует выхода за рамки морфологии в область философии языка и психолингвистики. Они позволяют увидеть, как человек осваивает мир через слово, не просто именуя предметы, а выражая свое право на оценку, сомнение и веру. Именно в этой микросистеме языка отражается вся макроструктура человеческой личности, стремящейся выразить невыразимое.

В лингвистической науке принято разделять модальность на объективную (отношение к реальности) и субъективную (отношение говорящего к содержанию). Частицы являются едва ли не главным инструментом именно второго типа, позволяя автору высказывания оставаться в тени, но при этом жестко контролировать интерпретацию текста. Рассмотрим функциональный потенциал вопросительных и восклицательных частиц в контексте драматургии. Вспомним классические пьесы, где герой, охваченный внутренним конфликтом, восклицает: «Да неужели же это правда!» Здесь мы видим наслоение нескольких частиц. «Да» выступает не как согласие, а как усилительный зачин, «неужели» вводит модальность сомнения, а «же» добавляет эмоциональную напряженность и настойчивость. В таком художественном пересказе становится очевидным, что частицы работают как музыкальные знаки альтерации — они повышают или понижают «тональность» смысла, не меняя самой «ноты» (факта). Критик и лингвист Г.О. Винокур в своих исследованиях языка художественной литературы указывал на то, что частицы создают «стилистический рельеф» речи. По его

мнению, которое можно переформулировать для современной науки, частицы позволяют избежать монотонности логического сообщения, превращая его в живой жест. Винокур подчеркивал, что за каждой частицей стоит определенная социально-психологическая роль говорящего. Когда мы используем частицу «дескать» или «мол», мы не просто передаем чужую речь, мы дистанцируемся от неё, внося модальность недоверия или иронии. Это своего рода лингвистическая маска, позволяющая автору выразить свое отношение к чужому мнению без использования громоздких вводных конструкций².

Другой важный аспект — ограничительные и выделительные частицы («только», «лишь», «хотя бы»). В философских раздумьях литературных персонажей эти слова часто становятся маркерами экзистенциального выбора. Когда герой говорит, что ему нужно «хотя бы мгновение» покоя, частица переводит количественное значение в качественное, выражая модальность предельного желания, граничащего с отчаянием. Это подтверждает тезис о том, что частицы способны минимизировать лексический состав предложения, максимизируя при этом его смысловой объем. С точки зрения теории речевых актов, модальные частицы служат индикаторами иллокутивной силы. Успех коммуникации зависит от того, насколько точно слушающий распознает намерение говорящего. Частицы здесь играют роль «навигаторов». Например, частица «разве» в начале предложения мгновенно перестраивает ожидание собеседника с получения информации на проверку предположения. Это создает специфическое модальное поле «ожидаемого опровержения», которое невозможно создать одними лишь интонационными средствами.

Особое место занимают частицы в структуре научного текста. Несмотря на стремление к объективности, ученый часто прибегает к модальным маркерам типа «вовсе не», «едва ли», «именно поэтому». Здесь они выполняют

² Винокур Г. О. О языке художественной литературы. — М.: Высшая школа, 1991. — С. 124.

функцию верификации гипотезы. Частица в академическом письме — это инструмент интеллектуальной честности. Она обозначает границы применимости вывода, указывая на степень уверенности исследователя в полученных результатах. Взаимодействие частиц с категориями времени и вида также заслуживает внимания. В повествовательной ткани художественного произведения частица «бывало» переносит действие в план привычного, повторяющегося прошлого, создавая модальность ностальгического воспоминания. Это не просто указание на время, это эмоциональная окраска временного пласта, превращение хроноса в этос. Частицы представляют собой уникальную микросистему языка, в которой сфокусированы все основные антропоцентрические категории. Они обеспечивают связность текста не только на логическом, но и на эмоционально-волевом уровне. Изучение частиц в отрыве от модальности невозможно, так как их природа глубоко прагматична. Они являются тем самым «человеческим фактором» в языке, который превращает абстрактный код в инструмент живого созидания смыслов. В условиях современной цифровой коммуникации, где краткость становится приоритетом, роль частиц как экономных, но мощных трансляторов модальности только возрастает, что открывает новые перспективы для дальнейших лингвистических изысканий.

Список использованной литературы:

1. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). — М.: Высшая школа, 1986.
2. Винокур Г. О. О языке художественной литературы. — М.: Высшая школа, 1991.
3. Вежбицкая А. Семантика, прагматика и языковые универсалии. — М.: Языки русской культуры, 1999. (Анализ модальных частиц с позиции кросс-культурной семантики).
4. Русская грамматика. Т. II. Синтаксис / Под ред. Н. Ю. Шведовой. — М.: Наука, 1980. (Систематизация час